

О.А. БАШЕВА

ИСТОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

БАШЕВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия (OlgaAUsacheva@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлена краткая история развития мировой инвайронментальной социологии и ее становления в России. Описаны ключевые подходы в проблематике: новая экологическая парадигма, экомарксизм, социально-экологический метаболизм, экологическая рефлексивная модернизация, устойчивое и ноосферное развитие и др. Развитие советской и российской экосоциологии отличалось от зарубежной отсутствием междисциплинарных и межстрановых связей между учеными, научной рефлексии, открытой информации о состоянии окружающей среды и т.п. Теоретические наработки отечественных ученых дали возможность развивать те же исследовательские направления внутри дисциплины, что и на Западе: взаимодействие природы и общества, экологическое сознание, экологические движения, политическая экономия, технологические риски. В заключении изложены некоторые перспективы развития отечественной экосоциологии.

Ключевые слова: взаимоотношения «общество – природа» • инвайронметализм • новая экологическая парадигма • ноосферные теории • общество риска • социально-экологический метаболизм • рефлексивная модернизация • устойчивое развитие • экологизм • экологическая модернизация • экологическое движение • экомарксизм

DOI: 10.31857/S0132162525010086

Введение. Длительное время понятие среды рассматривалось учеными как внешнее, природное окружение социальной системы, как условия, которые могут быть сужены/расширены в зависимости от технологий и способов организации в данном обществе [Катерный, 2004]. Но крупные экологические катастрофы, связанные с переэксплуатацией человеком природных ресурсов в XX в., показали силу взаимовлияния общества и природы и изменили представления ученых об их взаимодействиях, а также спровоцировали общественную озабоченность низким уровнем экологической безопасности и публичные обсуждения путей социально-экономического развития, релевантных природных рисков, трансформацию экологической политики. Постепенно концептуализация экологических проблем начала осуществляться на уровне идей, носителями которых стали ученые, и на уровне практики, которую осуществляли активисты и политики.

Идея о том, что природная среда включена в процессы жизнедеятельности общества на всех уровнях, распространилась в научном сообществе, стимулировав экологизацию научного знания. Ее сторонники среди социологов считали, что инвайронментализм меняет природу социологического знания и потому экосоциальное знание должно рассматриваться как магистральное направление развития самой социологии.

Предмет экосоциологии составляют все аспекты социально-экологических взаимодействий; особое внимание уделяется изучению социальных факторов, вызывающих экологические проблемы, социальным последствиям этих проблем и усилиям по их решению. Современный взгляд на ядро экосоциологии состоит в том, что на первый план выдвигается расширенная концепция неравенств и власти, включая не только человека, но экосистемы и животных. Такой взгляд позволяет углубить понимание последствий

неравенства. Например, исследования показывают, что социальное неравенство усиливает экологически опасные практики [Bouse, 2008].

Институционализация экосоциологии началась в 1970-е гг. На VII Международном социологическом конгрессе в Варне было принято решение организовать Исследовательский комитет Международной социологической ассоциации «Социальная экология» (ныне «Окружающая среда и общество»), который с 2015 г. выпускает научный журнал «Environmental Sociology». Исторически сложилась исследовательская повестка, включающая пять тем: взаимодействие природы и общества, экологическое сознание, экологические движения, политическая экономия, технологические риски. В последние десятилетия в сферу анализа включены проблемы, связанные с глобальным изменением окружающей среды, явления антропогенного изменения климата, сокращения биоразнообразия и изменения в землепользовании. В России направления немногочисленных исследований развивались практически в том же русле. В советское время достижения мировой экосоциологии проникали в страну через критику буржуазных работ; исследовательское поле включало те же области [Яницкий, 1998]. В 1998 г. в рамках Российского общества социологов был учрежден исследовательский комитет «Экосоциология». В это время она приобретала официальный статус и на Востоке (Корея, Япония, Китай).

В данной статье мы рассмотрим аналитические подходы, оказавшие влияние на развитие экосоциологии (инвайронментальной социологии) как дисциплины и составляющие ее теоретическое ядро.

Теоретический базис современной инвайронментальной социологии. К сегодняшнему дню выработано несколько направлений теоретических подходов, составляющих ядро дисциплины: новая экологическая парадигма, экомарксистские подходы, экологическая и рефлексивная модернизация, концепция устойчивого развития, а также ноосферного развития. Предложенные инструменты базируются на идее неделимости человеческой и нечеловеческой природы и на оценке роли властных отношений/неравенств в специфике взаимодействий общества и природы. Рассмотрим их подробнее.

Неомальтузианство. Концепция «трагедии общинных ресурсов», предложенная Г. Хардиным в конце 1960-х гг., трансформировала идею об экспоненциальном росте населения, вызывающем голод, в модель индивидуального эгоизма, вызывающего деградацию ресурсов общего пользования, таких как воздух и вода [Hardin, 1968]. Суть ее в том, что в культуре человека нет ограничений, которые препятствовали бы истощению некоего природного ресурса, если этот ресурс находится в коллективном нерегулируемом пользовании. То есть любой член коллектива может использовать его настолько интенсивно, насколько захочет. Трансформации в технологиях природопользования, системе расселения или количестве пользователей резко повышают нагрузку на ресурсы. Возможные пути предотвращения этой проблемы Хардин видел в разделе ресурса между пользователями и нормировании нагрузки на него со строгим соблюдением установленных нормативов ресурсопользования. Противники идеи неминимости «трагедии» накопили множество свидетельств того, что локальные сообщества могут избежать втягивания в нее, разработав специфические методы организации самых разных отраслей природопользования и контроля за масштабами либо экологическими последствиями хозяйственной деятельности. Теперь чаще говорят об «общинных ресурсах» [Dietz, Ostrom, Stern, 2003].

Новая экологическая парадигма. Осознание того, что в основе современных экологических проблем лежит ориентация на доминирование человека над природой, привело в 1970-х гг. Р.Э. Данлэпа и У.Р. Каттона к созданию Новой экологической парадигмы (НЭП) [Catton, Dunlop, 1978]. Различия (старой) антропоцентристской парадигмы человеческой исключительности и НЭП сформулированы следующим образом: 1) в отличие от принципа исключительности человека по отношению к остальным животным, в новой парадигме человек является одним из многих живых существ, включенных в глобальную биофизическую среду; 2) в антропоцентристской парадигме социальные и культурные факторы, включая технологию, являлись главными детерминантами деятельности людей;

НЭП постулирует сложную и не всегда предсказуемую зависимость человека от биофизической среды, поскольку человеческая активность включена в сложные причинно-следственные и обратные связи с природой; 3) ранее предполагалось, что культура кумулятивна, социальный и технологический прогресс может продолжаться бесконечно; теперь люди осознают, что социальный прогресс ограничен экологическими законами, которые не могут быть никем отменены [Лазар, 2008: 187].

НЭП призвала к здоровому балансу между экономической деятельностью человека и потребностями экосистем, ведь традиционно упускается тот факт, что общество не столько эксплуатирует экосистемы, чтобы выжить, сколько старается для своего расцвета перексплуатировать природные ресурсы, что подрывает устойчивость экосистемы и может уничтожить саму природную базу существования человека. Для иллюстрации этого факта Каттон и Данлэп предложили модель трех конкурирующих функций окружающей среды [Dunlap, Catton, 2002]. Во-первых, она действует как склад снабжения; во-вторых, обеспечивает жизненное пространство человеческому обществу; в-третьих, функционирует как поглотитель/хранилище отходов, производимых людьми. С развитием цивилизации эти функции начинают конкурировать между собой. Например, окружающая среда не способна одновременно выполнять функцию среды обитания и хранилища мусора, поскольку использование территории под свалку делает ее непригодной для проживания.

Помимо основы для теоретической рефлексии Р.Э. Данлэп и К.Д. Ван Лир предложили инструментальный анализ экологической озабоченности, которую назвали шкалой НЭП [Dunlap, Van Liere, 1978]. Помимо нее среди множества инструментов исследователи выделяют две широко распространенные: Экологическая шкала (Ecology Scale) и Шкала экологической обеспокоенности (Environmental Concern Scale). Все они оценивают проявления беспокойства: убеждения, установки, намерения и поведение. В России последние два десятилетия мониторингом экологической озабоченности занимаются социологические исследовательские компании (например, ВЦИОМ и ФОМ), а исследованиями экологического поведения чаще занимаются социальные психологи [Сауткина и др., 2022].

Теория «беговой дорожки производства». В 1970-х гг. А. Шнайберг предложил теорию «Беговой дорожки производства». Основная идея ее такова: чем больше создается продуктов или товаров, тем больше ресурсов используется и тем выше воздействие на окружающую среду. Эту концепцию часто относят к неомарксистскому течению. Шнайберг утверждал, что корпорации, государство и труд привержены экономическому росту. Эта «идеология роста» доминировала в XX в. в капиталистических и социалистических обществах [Schnaiberg, 1980]. Поэтому «экономическое развитие» стало рассматриваться как «единственный путь к социальному прогрессу, даже если и неохотно» [Gould et al., 2004: 297].

Данная теория стремится представить объяснение социальных корней расширенного производства посредством анализа социальных институтов, участвующих в создании и распределении общественного излишка. Исследуя движущую силу, которая удерживает систему «беговой дорожки», она фокусируется на том, как те, кто контролирует производственный процесс (корпорации), приводят в движение «беговую дорожку», а также ставит вопросы, как и почему государство и рабочие, являющиеся потребителями и гражданами, подвергающими себя экологическим рискам, продолжают поддерживать движение «беговой дорожки».

Экомарксизм и социальная экология. Ближе к 1980-м гг. для анализа причин экологического кризиса и поиска путей его решения исследователи обращаются к идеям марксизма. Согласно экомарксизму, изменение политической структуры общества позволит создать производство, отвечающее реальным потребностям общества, которое сменит производство ради накопления богатства.

Экомарксизм представляет собой набор теорий, главная идея которых в том, что экологические проблемы вытекают не из одних антропоцентрических установок, но и из систем эксплуатации одних людей другими. В литературе выделяют четыре основные концепции: экологический кризис, отчужденное потребление, устойчивая экономическая

модель, экологический социализм [Li, 2021]. Концепция экологического кризиса акцентирует внимание на постоянной сверхэксплуатации природных ресурсов ради организации более масштабного «перепроизводства» для удовлетворения потребностей «перепотребления». Сторонники второй концепции считают, что в кризисе виновато отчужденное потребление – стремление людей получать товары, чтобы компенсировать свой утомительный, нетворческий и недооплачиваемый труд. В модели экономики устойчивого состояния массовые методы производства предлагается заменить малыми, а концентрацию производства и бюрократию – децентрализацией и демократизацией. Это поможет постепенно преодолеть отчужденное производство и отчужденное потребление. С точки зрения экосоциализма, единственный способ решить экологический кризис состоит в преобразовании капитализма в экологический социализм, а экологического движения – в политическое. Способ производства в экосоциализме будет основан на добровольном труде, развитие и распределение ресурсов – на реальных потребностях людей.

Помимо обозначенных проблем эксплуатации, в 1990-е гг. экомарксисты обратились к метаболическому анализу в учении Маркса. Дж. Фостер, в частности, предложил концепцию метаболического раскола, сделав акцент на разрыве, который капитализм вносит в метаболический процесс между обществом и природой [Foster, 1999]. В России концептуальной реконструкции метаболических идей Маркса посвящен ряд работ П.Н. Кондрашова [Кондрашов, 2023а; 2023б]. Используя методы текстологического анализа, реконструкции и экстраполяции, он показал, что в процессе развертывания трудового метаболизма формируются специфические социально-антропогенные «миры», в каждом из которых люди осуществляют видовые модификации родового праксиса – материальное производство, воспроизводство культуры, социальную и межличностную коммуникацию и др. Каждая из этих форм праксиса представляет собой конкретные разновидности социального метаболизма, в рамках которых осуществляются обмен между человеком и природой (труд, материальное производство), обмен деятельностью между социальными группами в объективных общественных отношениях, обмен эмоциями, знаниями, традициями и т.д. Делается вывод, что социальный метаболизм пронизывает все уровни и структуры социального и индивидуального бытия, связывая их в органическую целостность – социальный универсум. Это радикально отличает экологию Маркса от иных форм экологии, так как представляет собой не учение о взаимодействии общества с природой и не призывы к охране окружающей среды, а составляет общее социально-праксиологическое учение о мире, в котором существуют человек и общество.

Концепция социально-экологического метаболизма. Перезапуск концепции социально-экологического метаболизма в конце 1990-х гг. осуществила М. Фишер-Ковальски, представив ее как эффективную модель анализа устойчивости социума и воздействия экономической деятельности на окружающую среду [Fischer-Kowalski, Hüttler, 1999]. Метаболизм она понимает как переток материалов и энергии между обществом и природой, не отделенных друг от друга. Скорость метаболизма в обществе определяется уровнем использования ресурсов (вещества, энергии) и образования отходов в конкретный период времени. Со временем она резко возросла благодаря техническому прогрессу и росту населения, приведя к деградации окружающей среды и истощению ресурсов. Но, зная потоки материалов и энергии между обществом и природой, можно определить области, в которых возможно сокращение использования ресурсов и сведение к минимуму образование отходов.

Развивая идеи Фишер-Ковальски, О.Н. Яницкий предложил концепцию социобиотехнических систем и их метаболизма [Яницкий, 2013]. Систему «общество – природа» он понимал как форму тотальных взаимодействий, а акцент делал на порождаемые ими риски и опасности. Концепция развивалась в русле теории «мир-системы» с признанием того, что городские системы и их инфраструктуры остаются «узлами» глобальной экономической и социальной динамики и контролируются международными институтами. Но акцент был сделан на характере процессов взаимного воздействия социальных и несоциальных

(биологических, физико-химических и т.п.) факторов современного общества и города, находящихся в разных состояниях: устойчивом, мобилизационном и критическом.

Экологическая модернизация и рефлексивная модернизация. К 1980-м гг. расцвела критика экомарксизма, особенно в странах, пытавшихся объединить защиту окружающей среды с экономическим ростом (Нидерланды, Западная Германия). В качестве альтернативы были предложены концепции модернизации. Подход экомодернизации предлагал оптимистичный взгляд на потенциал общества в поиске решений экологических проблем, наведя фокус на технологические решения и выгоды от экологической эффективности, которые могут быть внедрены при минимальных изменениях в существующих институциональных механизмах.

По мнению экономиста Й. Хубера, индустриальное общество должно совершить переход к новым отношениям между экономикой и экологией, чтобы создать более экологически рациональную организацию производства. В основу такого «экологического переключения» должны лечь три идеи: (1) реструктуризация производства и потребления в соответствии с экологическими целями; (2) придание природе экономической ценности и переход к налогообложению экологически «вредных» факторов, таких как загрязнение и выбросы углекислого газа; (3) интеграция целей экополитики во все другие области политики.

Данная концепция вызвала большой интерес среди отечественных экосоциологов. О.В. Аксенова, проанализировав экомодернизационные процессы на Российском Севере через призму возможности сосуществования традиционного природопользования и современных бизнес-моделей, пришла к выводу об иллюзии сохранения традиционных экономических механизмов при попытке интеграции традиционных сообществ в современную цивилизацию с рыночными механизмами [Аксенова, 2010]. О.Н. Яницкий комплексно рассмотрел перспективы и барьеры российской экомодернизации с акцентом на роль в этом процессе акторов гражданского общества, цель которых – заставить действовать властные структуры и бизнес в соответствии с концепцией экологической модернизации [Яницкий, 2011].

Другое теоретическое направление в этом русле связано с рефлексивной модернизацией. Осознание столкновения человечества с реальной экологической опасностью повлекло за собой необходимость оценки степени этой опасности, а также вероятности техногенных аварий и катастроф в процессе управления технологическими системами. Ч. Перроу предложил интерпретировать уязвимости через призму теории «нормальных аварий», показав, что причинами катастроф могут быть и внешние, и внутренние факторы, обусловленные нормальным взаимодействием человека со сложными системами [Perrow, 2011]. Понятие системной аварии было выведено за рамки технологических систем. Обнаружение оборотных сторон научно-технического прогресса, низкий уровень экологической безопасности и общественного здоровья стали стимулом к изучению общественных рисков. У. Бек определил современное общество как общество непредсказуемого риска, а постоянный пересчет приемлемости риска при оценке действий в обществе назвал рефлексивной модернизацией [Бек, 2000]. Последняя направлена на минимизацию риска через соответствие новейшим экологическим нормам и правилам. Но постоянные усилия по достижению соответствия имеют непредсказуемый результат, только увеличивая риски.

Идея общества риска была адаптирована к российским реалиям О.Н. Яницким. Он предложил концепцию общества всеобщего риска, в качестве предпосылок которого в России после распада СССР выделил: отсутствие риск-рефлексии как постоянного вычисления и анализа социальной и природной цены собственной деятельности; пренебрежение к институционализации риск-рефлексии; стирание границы между социальной нормой и патологией, примирение с риском как неизбежным условием человеческого существования в «переходный» период [Яницкий, 1999: 56]. Спустя 15 лет Яницкий обосновал необходимость преобразования этой концепции в социологию критических состояний общества [Яницкий, 2015].

Эмпирической социологией риска, исследованиями идентификации, оценки риска и адаптации к нему в России занимаются А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова.

Теории устойчивого развития. Широкое практическое применение обрела концепция устойчивости. Именно она в 1970-х гг. сформировала современное понимание социальных, экономических и экологических взаимозависимостей, влияющих на изменение окружающей среды. Ее становление шло в несколько этапов. До 1968 г. происходило осознание глобального характера экологических проблем и негативного влияния антропогенных факторов. С 1972 г., когда был опубликован первый доклад Римскому клубу и прошла Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, итогом которой стало решение о создании Программы ООН по окружающей среде, началось обсуждение глобального характера экологической проблемы. В 1980-е гг. Комиссия ООН по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брунтланн приняла теоретические основания концепции. Базовое определение появилось в докладе «Наше общее будущее» (1987): устойчивое развитие является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Концепция устойчивого развития предположила сохранность привычной окружающей среды за счет снижения антропогенного воздействия на нее и перехода к зре экономического роста, в основе которого должна лежать политика оптимального использования и расширения базы природных ресурсов. В 1992 г. устойчивое развитие принято в качестве глобальной стратегической повестки. В 2010-х гг. произошел переход от широкой гуманитарной концепции к структурированной стратегии устойчивого развития с четко обозначенными целями, задачами и индикаторами.

В России данная концепция пользуется повышенным вниманием социологов и экономистов. Долгосрочные цели экологически устойчивого развития и его индикаторы, роль экосистемных услуг в стране, особенности перехода к «зеленой» экономике рассматриваются в работах С.Н. Бобылева. Исследователи пользуются инструментарием данной концепции при анализе различных аспектов развития регионов. Так, Ф.Е. Караева и Р.В. Шумахов предложили сравнительную оценку моделей социального развития разных стран и выделили приближенный тип модели для российской социальной сферы [Караева, Шумахов, 2019]. Л.Н. Фоломейкина поставила проблему отсутствия критериев отнесения к экологически чистой продукции технологий по предотвращению загрязнений, связав с ней слабое развитие индустрии экологических товаров и услуг [Фоломейкина, 2014].

Теории ноосферного развития. Стратегии устойчивого развития признаны как переходные, необходимые особенно в развивающихся странах, где многие социальные процессы и экологическая ситуация явно неустойчивы. Россию относят к странам с переходной экономикой, и ее ноосферное развитие видится как следующий этап после этапа устойчивого развития [Кулясов, 2016].

За рубежом ноосферные идеи не получили столь широкого развития, как в России. Они появились в 1920-х гг. на стыке естественных и общественных наук как теоретическая рефлексия нового научного знания о законах природы и общественного развития. Основоположителем теории ноосферогенеза является В.И. Вернадский. Под ноосферой стали понимать сферу разума, разумного взаимодействия общества и природы. Основные предпосылки создания ноосферы Вернадский свел к следующему: человечество стало единым целым; средства связи и обмена преобразовались; открыты новые источники энергии; поднято благосостояние трудящихся; все люди равны; войны исключены из жизни общества. В ноосферном мышлении виделось и решение экологических проблем. Сегодня ученые полагают, что в целях своего сохранения общество должно взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу. Это потребует определенной социальной организации и новой, экологической и гуманистической этики [Грачев, 2015; Урсул, 2016].

Тернистый путь развития экосоциологии в России. Возникновение и интенсивный рост экосоциологии на Западе зависели от перемен в западном обществе: роста

значимости глобальных проблем, структурных сдвигов в экономике, энергетического кризиса, развития экологического движения, а также рефлексии западных социологов по поводу теоретических оснований своей дисциплины. Советская и российская инвайронментальная социология не имела подобных предпосылок. Ее формирование характеризовалось отсутствием доступа к информации о состоянии окружающей среды, культивацией представлений о неисчерпаемости ресурсов экономического роста и удовлетворения геополитических амбиций и т.д. [Яницкий, 1996: 496–497].

Тем не менее в начале 1960-х гг. исследования социальных последствий экологических проблем стали формироваться вне институциональных структур советской социологии [Яницкий, 1996; 2005]. Экосоциология формировалась как субдисциплина социологии города и социальной психологии, изучавшей воздействие городской среды на сознание и поведение людей. Обживая стандартизированную среду, люди формировали свое персонализированное пространство, создавали малые группы и территориальные сообщества. Яницкий писал об этом пространстве как о первичной экоструктуре и индивидуальной «социально-экологической нише» [Yanitsky, 1981]. Однако процесс формирования этой ниши шел чрезвычайно медленно. С начала 1980-х гг. горожане стали выдвигать требования своего участия в проектировании и оценке градостроительных решений, разрабатываемых государственными организациями. Фактически это было началом волны гражданских инициатив, которые стали ячейками формирования новых социальных движений. В связи с этим важным направлением социально-экологических исследований стало изучение социальных конфликтов [Халий, 1991] и социально-пространственной дифференциации в городской среде [Трущенко, 1993], а также экологического движения в СССР. Ближе к 1990-м гг. статус направления исследований приобрела социология экологического сознания и экологической озабоченности.

Большое влияние на формирование экосоциологии оказали разработки биологов и экологов, работавших в рамках междисциплинарной и практически ориентированной программы «Экополис». Совместно с местным населением, социологами и администрацией малого города Пущино они работали над концепцией «экологического города» [Agavelov et al., 1985]. Проблемы взаимодействия природы и общества стали обсуждаться и в рамках пограничных с социологией наук: экономики, демографии, географии и др., чему способствовало снятие официального запрета с системного анализа в начале 1980-х гг., вследствие чего в научный оборот была введена идея единства системы «общество – природа» [Моисеев, 1982].

В 2000-е гг. российское общество находилось в стадии трансформации. В этот период экосоциологи увидели множество новых рисков и неопределенностей. И.А. Сосунова предложила концепцию социально-экологической напряженности, определив ее как «наличие в общественном сознании устойчивых и распространенных оценок, связывающих антропогенную экологическую ситуацию с угрозой или фактическим ущемлением важнейших социальных и духовных потребностей конкретной общности» [Сосунова, 2005: 98].

В 1990-е и 2000-е гг. российские исследователи неоднократно пытались развернуть ход дискуссии в социологическом сообществе в сторону экологизации социологии. О.Н. Яницкий настаивал на необходимости развития альтернативной социологии и отказа от «Парадигмы человеческой исключительности». Т.М. Дридзе предложила рассматривать социологию как науку эокантропоцентрическую, считая, что она должна изучать механизмы и социально значимые следствия взаимодействий человека с его природным, культурным и социальным окружением, опосредуемым социальной структурой и инфраструктурой. Предметом анализа должна стать связка «человек – среда – их взаимодействие, основанное на коммуникации» [Дридзе, 1994].

Заключение. За более чем полувековой период существования инвайронментальной социологии в ее рамках сформировался набор аналитических инструментов. Очевидно, на международном уровне она становится магистральным направлением развития социологии как науки, поскольку невозможно не учитывать природные факторы в развитии общества. В конце

1990-х гг. О.Н. Яницкий с сожалением писал, что Россия еще долго не достигнет уровня экологической озабоченности, необходимого для обретения экосоциологией статуса фундаментальной социологической дисциплины. Объединяемая лишь некой проэкологической идеологией, российская экосоциология не имеет развитой теоретико-методологической базы, отражающей специфику сегодняшнего состояния общества, не институционализирована и не образует научного сообщества. Накопление эмпирического материала и освоение западной литературы не сопровождалось их адекватной теоретико-методологической рефлексией. Винил в этом он не только российских социологов, но отсутствие коллективной работы над концепцией модернизации переходного общества, без которой инвайронментальная социология не сможет обрести искомого ею статуса [Яницкий, 1998: 513]. В 2010 г. Яницкий указал восемь неотложных мер для ее развития: (1) инвентаризация социально-экологических исследований, подведение итогов проделанного и выявление критических точек отставания в научной, образовательной и пропагандисткой сферах по сравнению с мировым уровнем; (2) преодоление комплекса «столичной» науки и поддержка ее развития в регионах; (3) комплексное междисциплинарное изучение средне- и долгосрочных перспектив экомодернизации и их связь с глобальными геополитическими трендами; (4) разработка соответствующего правового и управленческого инструментария для практической реализации результатов обозначенных выше исследований в условиях перехода к информационному обществу; (5) продвижение и пропаганда результатов социально-экологических исследований российских ученых за рубежом; (6) введение социальной экологии в перечень основных научных дисциплин и разработка программ учебных курсов; (7) создание постоянной публичной площадки для обсуждения вопросов экосоциологии и ее развития; (8) создание при Президиуме РАН координационного совета по развитию социально-экологических исследований в стране [Яницкий, 2010].

За прошедшие годы ситуация не изменилась, но некоторые из отмеченных выше мер начали реализовываться. В октябре 2018 г. в РАН был создан Научный совет по глобальным экологическим проблемам, в рамках которого действуют четыре секции, включая секцию «Проблемы экологии человека». Совету поручено проведение научно-технической экспертизы тематических планов и отчетов, выполняемых в рамках Национального проекта «Экология», что в некоторой степени сочетается с проблемой изучения перспектив экомодернизации. При президиуме РАН в 2019 г. создан междисциплинарный Научный совет РАН по проблемам климата Земли. Появились учебники по социальной экологии, хотя в большинстве из них практически нет упоминаний о теоретическом базисе, приведенном в данной статье. В последние годы в российском междисциплинарном исследовательском поле появляется все больше эмпирических работ, посвященных изучению экологического сознания и поведения, экологических поселений, эоактивизма, экологической политики и т.д. Так, адаптируя мировой опыт, маленькими шагами российская экосоциология идет по собственному пути развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова О.В. Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 352–363.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Грачев В.А. Учение В.И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития // Юг России: экология, развитие. 2015. № 10(3). С. 16–23. DOI: 10.18470/1992-1098-2015-3-16-23.
- Дридзе Т.М. На пороге эоантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 97–103.
- Катерный И.В. Экологическая перспектива в социологии: за и против // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2(70). С. 78–86.
- Караева Ф.Е., Шумахов Р.В. Социальный аспект устойчивого развития региона // Экономика и управление в социальных и экономических системах. 2019. № 4. С. 34–41.
- Кондрашов П.Н. Концептуальная реконструкция экологии Карла Маркса: социологический аспект // Социологические исследования. 2023а. № 3. С. 42–52. DOI: 10.31857/S013216250023102-5.
- Кондрашов П.Н. Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023б. № 1. С. 73–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-1-73.

- Кулясов И.П. Источники экосоциологии. Серия «Экосоциология». Екатеринбург: «Издательские решения», 2017.
- Лазар М.Г. Экологическая парадигма современной культуры: миф или реальность? // Уч. зап. РГТМУ. 2008. № 8. С. 184–193.
- Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982.
- Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А. и др. Прозокологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–193. DOI: 10.17759/expsy.2022150213.
- Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность: Методология и методика оценки // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 94–104.
- Трущенко О. Городская сегрегация в пространстве столичного расселения // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 2. С. 114–129.
- Урсул А.Д. Становление устойчивой цивилизации: новые глобальные цели // Философия и общество. 2016. № 1. С. 29–56.
- Фоломейкина Л.Н. Рынок экологических товаров, работ и услуг в регионе // Регионология. 2014. № 1. С. 147–154.
- Халий И.А. Изучение локальных экологических конфликтов: 1989–1991 // Новые движения трудящихся и их организация в СССР в 80–90-х годах / Ред. А.М. Кацва. М., 1991.
- Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. Москва: На Воробьевых, 1996. С. 541–570.
- Яницкий О.Н. Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 50–60.
- Яницкий О.Н. Экологическая культура России XX века // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161.
- Яницкий О.Н. Хромающая экосоциология // Вестник Института социологии. 2010. Т. 1. № 1. С. 230–241.
- Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. 215 с.
- Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
- Яницкий О.Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика, 2015. № 4. С. 5–24.
- Agavelov V., Brudny A., Bozhukova H. et al. Ecolopolis programme. Moscow, 1985.
- Boyce J.K. Is inequality bad for the environment? // Research in Social Problems and Public Policy. 2008. Vol. 15. Pp. 267–288.
- Catton W.R., Dunlap R.E. Environmental Sociology and New Paradigms // The American sociologist. 1978. № 13. Pp. 41–49.
- Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. The Struggle to Govern the Commons // Science. 2003. Vol. 302. P. 1907–1912. DOI: 10.1126/science.1091015.
- Dunlap R.E., Catton W.R. Which Function(s) of the Environment Do We Study? A Comparison of Environmental and Natural Resource Sociology // Society & Natural Resources. 2002. Vol. 15(3). Pp. 239–249. DOI: 10.1080/089419202753445070.
- Dunlap R.E., Van Liere K.D. The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results // The Journal of Environmental Education. 1978. Vol. 9(4). P. 10–19.
- Fischer-Kowalski M., Hüttler W. Society's metabolism: the intellectual history of materials flow analysis, part II, 1970–1998 // Journal of Industrial Ecology. 1999. Vol. 2. P. 107–129.
- Foster J.B. Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology // American Journal of Sociology. 1999. Vol. 105 (2). Pp. 366–405. DOI: 10.1086/210315.S2CID53608115.
- Gould K.A., Pellow D.N., Schnaiberg A. Interrogating the Treadmill of Production: Everything You Wanted to Know about the Treadmill but Were Afraid to Ask // Organization & Environment. 2004. Vol. 17(3). P. 296–316. DOI: 10.1177/1086026604268747.
- Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, New Series. 1968. Vol. 162, No. 3859. Pp. 1243–1248.
- Li Z. Some Thoughts on Ecological Marxism // Open Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 9. P. 212–219. DOI: 10.4236/jss.2021.912014.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
- Schnaiberg A. The Environment: From Surplus to Scarcity. New York: Oxford University Press. 1980.
- Yanitsky O. Cities and human ecology // In: Baroyan R. et al., eds. Social Problems of Man's Environment: Where We Live and Work. M.: Progress Publ., 1981. P. 147–164.
- Yanitsky O. Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions. M.: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1993.

A HISTORY AND THEORETICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL SOCIOLOGY IN THE WORLD AND IN RUSSIA

BASHEVA O.A.,

Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Olga A. BASHEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (OlgaAUsacheva@yandex.ru).

Abstract. The article offers a brief excursion into the history of the of global environmental sociology and its formation in Russia. The reasons for its emergence as a separate discipline and the key approaches that form its core are described: the New Ecological Paradigm, eco-Marxism, concepts of socio-ecological metabolism, ecological and reflexive modernization, sustainable and noospheric development, etc. It is concluded that conditions for the development of Soviet and then Russian environmental sociology differed significantly from American and European cases by the presence of such barriers as the lacking interdisciplinary and international connections between scholars, scientific reflection, open information on the state of the environment, etc. Nevertheless, theoretical background, developments of domestic scientists, albeit in a truncated form, made it possible to foster the same research areas within the discipline as in the West, namely: interaction of nature and society, environmental consciousness, environmental movements, political economy, technological risks. In conclusion, an analysis of the reasons for the lag of Russian environmental sociology behind global trends and some prospects for its development are offered.

Keywords: ecologism, ecological modernization, ecological movement, eco-Marxism, environmentalism, new ecological paradigm, noospheric theories, risk society, socio-ecological metabolism, society-nature relationships, sustainable development, reflexive modernization

REFERENCES

- Agavelov V., Brudny A., Bozhukova H. et al. (1985) *Ecopolis Programme*. Moscow.
- Aksenova O.V. (2010) Sustainable Development of the Russian North: Limits of Ecological Modernization. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 1: 352–363. (In Russ.)
- Beck U. (2000) *Risk Society. Towards a Different Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
- Boyce J.K. (2008) Is inequality bad for the environment? *Research in Social Problems and Public Policy*. Vol. 15: 267–288.
- Catton W.R., Dunlop R.E. (1978) Environmental Sociology and New Paradigms. *The American sociologist*. Vol. 13: 41–49.
- Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. (2003) The Struggle to Govern the Commons. *Science*. Vol. 302: 1907–1912. DOI: 10.1126/science.1091015.
- Dridze T.M. (1994) On the threshold of eco-anthropocentric sociology. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. Vol. 4: 97–103. (In Russ.)
- Dunlap R.E., Catton W.R. (2002) Which Function(s) of the Environment Do We Study? A Comparison of Environmental and Natural Resource Sociology. *Society & Natural Resources*. Vol. 15(3): 239–249. DOI: 10.1080/089419202753445070.
- Dunlap R.E., Van Liere K.D. (1978) The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results. *The Journal of Environmental Education*. Vol. 9(4): 10–19.
- Fischer-Kowalski M., Hüttler W. (1999) Society's metabolism: the intellectual history of materials flow analysis, part II, 1970–1998. *Journal of Industrial Ecology*. Vol. 2: 107–129.
- Folomeykina L.N. (2014) Market of environmental goods, works and services in the region. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies]. Vol. 1: 147–154. (In Russ.)
- Foster J.B. (1999) Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology. *American Journal of Sociology*. Vol. 105 (2): 366–405. DOI: 10.1086/210315.S2CID53608115.
- Gould K.A., Pellow D.N., Schnaiberg A. (2004) Interrogating the Treadmill of Production: Everything You Wanted to Know about the Treadmill but Were Afraid to Ask. *Organization & Environment*. Vol. 17(3): 296–316. DOI: 10.1177/1086026604268747.
- Grachev V.A. (2015) V.I. Vernadsky's Doctrine on the Noosphere as a Basis for Sustainable Development. *Yug Rossii: ehkologiya, razvitiye* [South of Russia: ecology, development]. Vol. 10(3): 16–23. DOI: 10.18470/1992-1098-2015-3-16-23. (In Russ.)
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science, New Series*. Vol. 162 (3859): 1243–1248.

- Karaeva F.E., Shumakhov R.V. (2019) Social Aspect of Sustainable Development of the Region. *Ekonomika i upravlenie v social'nykh i ehkonomicheskikh sistemakh* [Economics and management in social and economic systems]. Vol. 4: 34–41. (In Russ.)
- Kateryn I.V. (2004) Environmental Perspective in Sociology: Pros and Cons. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. Vol. 2(70): 78–86. (In Russ.)
- Khalil I.A. (1991) Study of Local Environmental Conflicts: 1989–1991. In: *New workers' movements and their organization in the USSR in the 80–90s*. Ed. By A.M. Katsva. Moscow. (In Russ.)
- Kondrashov P.N. (2023a) Conceptual reconstruction of Karl Marx's ecology: sociological aspect. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 3: 42–52. DOI: 10.31857/S013216250023102-5. (In Russ.)
- Kondrashov P.N. (2023b) Ecology of Karl Marx: totalization of social metabolism. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovations. Investments]. 2023b. Vol. 1: 73–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-1-73. (In Russ.)
- Kulyasov I.P. (2017) *Sources of ecosociology*. Series «Ecosociology». «Publishing Solutions». (In Russ.)
- Lazar M.G. (2008) Ecological paradigm of modern culture: myth or reality? *Uch. zap. RSHU* [Scientific notes of RSHU]. Vol.: 184–193. (In Russ.)
- Li Z. (2021) Some Thoughts on Ecological Marxism. *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 9: 212–219. DOI: 10.4236/jss.2021.912014.
- Moiseev N.N. (1982) *Man, environment, society: Problems of formalized description*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press.
- Sautkina E.V., Agisova F.B., Ivanova A.A. et al. (2022) Pro-environmental behavior in Russia. A systematic review of research. *Ehksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 15(2): 172–193. DOI: 10.17759/expss.2022150213. (In Russ.)
- Schnaiberg A. (1980) *The Environment: From Surplus to Scarcity*. New York: Oxford University Press.
- Sosunova I.A. (2005) Social and environmental tension; methodology and assessment techniques. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 7: 94–104. (In Russ.)
- Trushchenko O. (1993) Urban segregation in the space of metropolitan settlement. *Rossiiskij monitor: arkhiv sovremennoj politiki* [Russian monitor: archive of modern policy]. Vol. 2: 114–129. (In Russ.)
- Ursul A.D. (2016) Formation of a sustainable civilization: new global goals. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. Vol. 1: 29–56. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2010) Limping Ecosociology. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 1(1): 230–241. (In Russ.)
- Yanitsky O. (1981) Cities and human ecology. In: Baroyan R. et al., eds. *Social Problems of Man's Environment: Where We Live and Work*. Moscow: Progress Publ.: 147–164.
- Yanitsky O. (1993) *Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
- Yanitsky O.N. (1996) *Environmental sociology*. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Na Vorobyovykh: 541–570. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (1999) Environmental sociology as risk reflection. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 6: 50–60. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2005) Ecological Culture of Russia in the 20th Century. *Istoriya I sovremennost'* [History and Modernity]. Vol. 1: 136–161. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2011) *Ecomodernization of Russia: Theory, Practice, Prospect*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2013) Metabolic Concept of the Modern City. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 3: 16–32. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2015) Sociology of Critical States of Society: Theoretical and Methodological Problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 4: 5–24. (In Russ.)

Received: 29.09.24. Final version: 05.11.24. Accepted: 27.12.24.